

Христіанство и соціалізмъ.

Въ январскомъ номерѣ «Вѣстника» помѣщено письмо въ редакцію прот. С. Булгакова «Православіе и соціалізмъ». От С. Булгаковъ высказываетъ мысль, что соціалізмъ, какъ опредѣленная соціально-экономическая система, лежитъ за предѣлами вѣроученія церкви; осужденію подлежитъ не соціалізмъ, какъ таковой, а только соединившееся съ нимъ въ нынѣшней Россіи воинствующее безбожіе; съ другой стороны, и Евангеліе, и церковное преданіе требуютъ активнаго отношенія христіанина къ соціальному вопросу, обязываютъ его стремиться къ утвержденію соціальной правды. Вполнѣ соглашаясь съ **принципіальной** постановкой вопроса о. С. Булгакова, я хотѣлъ бы, однако, привести нѣкоторыя дополнителныя соображенія объ отношеніи между христіанствомъ и соціалізмомъ. Вопросъ этотъ очень сложенъ, — и не только теоретически, но и практически чрезвычайно важно уяснить себѣ скрытую въ немъ проблематику. Не берясь здѣсь исчерпать послѣднюю, я попытаюсь хотя бы схематически и кратко намѣтить основные ея пункты.

Существенное отличіе христіанскаго (и даже вообще религіознаго) отношенія къ проблемѣ соціальной правды отъ отношенія къ ней соціалистической системы идей заключается, **прежде всего**, въ томъ, что для перваго царящая въ мірѣ соціальная неправда есть лишь часть общей неправды въ отношеніяхъ между людьми, тогда какъ для соціализма соціальная неправда есть **единственный** источникъ всяческаго зла въ мірѣ. Далѣе, для религіознаго человѣка источникъ неправды (въ томъ числѣ и соціальной) лежитъ въ грѣховности, испорченности человѣка, и потому **основной** путь къ ея преодолѣнію заклю-

чается въ христіанскомъ воспитаніи и самовоспитаніи человѣка; для умонастроенія соціализма — или даже вообще соціально - политическаго радикализма — единственный источникъ неправды лежитъ въ соціальномъ устройствѣ, и потому единственное и достаточное средство для ея устраненія есть преобразование общественнаго порядка. Для соціализма опредѣленный общественный порядокъ (именно такъ наз. буржуазно-капиталистическій) есть **абсолютная** помѣха для осуществленія человѣколюбивыхъ отношеній и творческихъ усилій къ утвержденію правды, онъ какъ бы **вынуждаетъ** людей творить зло и неправды; и, съ другой стороны, опредѣленный общественный порядокъ — именно соціалізмъ — самъ собою приводитъ къ полному торжеству добра и правды въ отношеніяхъ между людьми. Для христіанскаго сознанія, конечно, не имѣетъ силы ни то, ни другое утвержденіе; **нѣтъ** такого, хотя бы и наилучшаго порядка, который препятствовалъ бы творить добро и правду, и **нѣтъ** такого общественнаго порядка, который обезпечивалъ бы человѣческія отношенія отъ зла и неправды. Поэтому для христіанскаго міросозерцанія проблема соціальной правды — въ смыслѣ правды, зависимой отъ опредѣленнаго общественнаго уклада — сохраняя свою важность и остроту — теряетъ то универсально-всепоглощающее значеніе, которое она имѣетъ для соціалистическаго умонастроенія.

Углубляя намѣченное выше соображеніе, мы приходимъ къ усмотрѣнію одного весьма существеннаго соотношенія, какъ мнѣ кажется, недостаточно ясно раскрытаго о. С. Булгаковымъ. Отверженію подлежитъ въ господствующемъ типѣ соціализма не только явно исповѣдуемое

имъ безбожіе, какъ бы лишь механически и извнѣ сочетающееся съ социализмомъ, какъ опредѣленнымъ типомъ общественнаго вѣрованія, который самъ по себѣ никакого отношенія къ религіи не имѣетъ; отверженію подлежитъ и то безбожіе, которое — быть можетъ, даже безсознательно — образуетъ почву, на которой вырастаетъ господствующій типъ социалистическаго умонастроенія. Существо этого, часто скрытаго безбожія состоитъ въ томъ, что отвѣтственность за царящее въ человѣческихъ отношеніяхъ зло снимается съ человѣческой личности, перестаетъ быть дѣломъ человѣческой совѣсти, плодомъ отрыва человѣческаго сердца отъ божественной правды и всецѣло возлагается на что-то внѣшнее нравственной жизни человѣка — на «общественный порядокъ». Источникъ самого этого общественнаго порядка усматривается отчасти въ какой-то естественной необходимости, отчасти въ корысти и зломыслии людей, установившихъ этотъ порядокъ и заинтересованныхъ въ немъ, во всякомъ случаѣ въ чемъ-то, въ чемъ лично неповинно большинство участниковъ этого порядка. Человѣкъ есть не творецъ своей общественной жизни и, слѣдовательно, не виновникъ царящаго въ ней зла, а, напротивъ, безотвѣтственный «продуктъ» своей «среды». Такова по существу безбожная мысль, объединяющая открытый цинизмъ марксистскаго социализма даже съ гуманитарнымъ социализмомъ типа Роберта Оуэна. Вообще говоря, гуманизаризмъ — въ своей основѣ, въ качествѣ человѣколюбія, состраданія къ угнетенному и страждущему человѣчеству, вырастающей изъ христіанства и христіански не только правомѣрный, но и обязательный — вмѣстѣ съ тѣмъ, поскольку онъ считаетъ человѣка только жертвой постороннихъ, внѣшнихъ ему силъ, не усматриваетъ **виновности** человѣчества въ его бѣдствіяхъ

и не призываетъ его прежде всего къ нравственному совершенствованію, — становится противохристіанскимъ умонастроеніемъ и потому въ конечномъ итогѣ своемъ ведетъ не къ возрожденію, а къ гибели и къ еще поршимъ бѣдствіямъ и неправдѣ.

Для христіанскаго сознанія неприемлема вообще та рѣзкая грань и противоположность между **личной** моралью, задачей нравственнаго совершенствованія личныхъ отношеній къ ближнимъ и **общественнымъ долгомъ**, задачами общественно-государственнаго строительства, — которую исповѣдуетъ и социализмъ, и вообще социально-гуманитарное міровоззрѣніе, владѣвшее недавно умами русской интеллигенціи. Конечно, было бы сектантскимъ лицемеріемъ или, въ лучшемъ случаѣ, нравственной слѣпотой, уйдя въ задачу личнаго совершенствованія, не видѣть долга совмѣстнаго общественнаго служенія правдѣ, обязанности съ помощью общихъ нормъ законодательства и общественныхъ мѣропріятій бороться съ неправдой и помогать слабымъ и обездоленнымъ. Но, съ другой стороны, такая же слѣпота лежитъ въ представленіи о **механическомъ** совершенствованіи жизни съ помощью общественныхъ реформъ и переворотовъ. Общественное служеніе есть, напротивъ, лишь особая форма **личнаго** служенія; успѣхъ общественныхъ реформъ въ конечномъ счетѣ зависитъ отъ нравственнаго качества людей, ихъ осуществляющихъ. Такъ называемая «любовь къ человѣчеству» только въ томъ случаѣ не есть бесплодная абстрація или даже вредная иллюзія, когда она есть выраженіе **конкретной любви къ человѣку, къ ближнему**, согрѣта этой любовью и осуществляется на ея путяхъ. Истинная — т. е. христіанская — политика всегда конкретна, имѣетъ въ виду живыя нужды живыхъ людей и опирается на конкретную дѣятельность на

пользу ближнихъ. Она всегда имѣетъ въ виду задачу живого нравственнаго воспитанія, постепеннаго, органическаго, духовными усилиями осуществляемаго совершенствованія жизни.

Отсюда слѣдуетъ отверженіе ряда моментовъ, характерныхъ для господствующаго типа социалистическаго умонастроения — прежде всего, социального **утопизма** — мечта сразу, съ помощью радикальной общественной реформы, установить абсолютное торжество правды на землѣ (чѣмъ осуждается, конечно, одновременно и всякій иной социальный утопизмъ, каково бы ни было его содержаніе — напр., хотя бы утопическій монархизмъ, который въ институтъ царской власти усматриваетъ панацею отъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій); отвергается этимъ, далѣе, всяческій **революціонизмъ**, который видитъ путь къ социальной правдѣ во всенародномъ мятежѣ, въ насильственномъ и внезапномъ разрушеніи существующаго порядка, осуществляемомъ черезъ разнузданіе хаотическихъ, темныхъ силъ человеческой души... Предѣльнымъ выраженіемъ революціонизма является истинно сатанинская идея **классовой борьбы** — мысль установить правду черезъ человеческое озлобленіе, черезъ разнузданіе корыстныхъ вождельній. Въ противоположность идеѣ классовой борьбы необходимо утвердить обратное положеніе, что путь къ социальной правдѣ ведетъ не черезъ борьбу, а черезъ примиреніе, не черезъ развитіе корысти, а черезъ развитіе самоутверженія. Поскольку подъ социализмомъ мы будемъ разумѣть стремленіе къ социальной правдѣ, мы должны будемъ сказать, что «социализмъ» (въ этомъ условномъ смыслѣ) есть обязанность именно богатыхъ и привилегированныхъ, а не бѣдныхъ и обездоленныхъ; ибо для первыхъ онъ есть дѣло человечности, справедливости и самообузданія, у послѣднихъ же, по

неизбѣжному несовершенству человеческой природы — онъ всегда выражается въ дѣло корысти, зависти и ненависти.

Все вышесказанное относится непосредственно не къ социализму, какъ социально-экономической системѣ, а къ тому міровоззрѣнію, изъ котораго въ XIX вѣкѣ истекло требованіе социализма, и на основѣ котораго социализмъ осуществляется теперь въ Россіи. Въ виду тѣсной связи — хотя бы только исторической — того и другого (міросозерцанія и общественной системы) и постояннаго сплетенія ихъ и у сторонниковъ, и у противниковъ социализма, необходимо прежде всего отчетливое отношеніе къ социализму, какъ вѣрѣ и міровоззрѣнію. Если обратиться теперь къ оцѣнкѣ социализма, какъ социально-экономической системѣ, то, конечно, о. С. Булгаковъ вполне правъ, указывая, что проблема правильнаго экономическаго устройства общества не есть религіозная проблема, а есть проблема чисто эмпирически-общественная. Ни религіозная вѣра вообще, ни церковно вѣроченіе не могутъ догматически связывать себя съ опредѣленнымъ общественнымъ строемъ. Вопросъ здѣсь рѣшается свободнымъ научнымъ изысканіемъ и практическимъ опытомъ. Однако и здѣсь можно установить, какъ мнѣ представляется, нѣкоторыя общія директивы, вытекающія изъ христіанскаго религіознаго міровоззрѣнія. Въ другомъ мѣстѣ*) я пытался показать, что религіозное пониманіе общества, какъ соборнаго служенія правдѣ, требуетъ въ общественной жизни блюденія двухъ началъ, въ которыхъ осуществляется служеніе: началъ **личной свободы и общественной солидарности**. Общество, какъ

*) С. Франкъ. Духовныя основы общества. Введеніе въ социальную философію. 1930. УМСА-Прессъ.

духовное единство, невозможно ни тамъ, гдѣ челоуѣкъ есть цѣликомъ рабъ общественнаго цѣлаго, гдѣ не признается начало личной свободы — ни тамъ, гдѣ отрицается солидарность членовъ общества, нравственная связь между людьми и вытекающая отсюда забота одного о другомъ, какъ бы круговая порука въ общественной жизни. Отсюда вытекаетъ невозможность, ненормальность съ христіанской точки зрѣнія, съ одной стороны, общественного порядка, цѣликомъ построеннаго на государственномъ принужденіи, и, съ другой стороны, порядка, въ которомъ каждый всецѣло предоставленъ самому себѣ и общественная власть — а это значитъ: общественная совѣсть — не озабочена судьбой слабыхъ и обездоленныхъ членовъ общества. Отсюда слѣдуетъ, какъ мнѣ представляется, отрицательное отношеніе христіанскаго сознанія одинаково и къ социализму, поскольку онъ мыслится и осуществляется, какъ система всеобщаго государственнаго рабства, и къ противоположному ему порядку неограниченнаго хозяйственнаго индивидуализма съ его принципомъ *laissez faire* — порядку, въ которомъ личной корысти и хозяйственной борьбѣ между людьми предоставляется безграничная свобода. — Экономистамъ и политикамъ принадлежитъ рѣшеніе вопроса, въ какой формѣ и въ какихъ предѣлахъ при данномъ состояніи общества и его хозяйственныхъ нуждъ должны сочетаться въ немъ начала личной свободы и государственно-общественнаго регулированія въ интересахъ общественной солидарности. Но строй, основанный на **совершенномъ** отрицаніи одного изъ этихъ началъ, подлежитъ принципиальному, т. е. религіозному осужденію. Христіанское сознаніе не можетъ мириться съ рабствомъ — и **именно поэтому, въ интересахъ социальной правды, оно не можетъ мириться съ государствен-**

но-принудительнымъ и универсальнымъ социализмомъ. Это не значитъ, что религіозное сознаніе связываетъ себя принципиальнымъ признаніемъ буржуазно-капиталистическаго строя. Напротивъ, духъ послѣдняго — тоже въ его крайнемъ и безграничномъ выраженіи — какъ указано, противорѣчитъ требованіямъ христіанской совѣсти, поскольку въ немъ санкціонируется хищничество, корысть и эгоистическая «война всѣхъ противъ всѣхъ». Христіанское сознаніе, не связывая себя никакимъ конкретнымъ общественнымъ идеаломъ и будучи озабочено максимальнымъ возможнымъ осуществленіемъ социальной правды, должно одинаково обличать и индивидуальное хищничество, и социальное рабство, и искать порядка, въ которомъ челоуѣческая совѣсть осуществляла бы свою нравственную отвѣтственность одновременно и въ свободной дѣятельности личности, и въ социальной заботѣ всѣхъ за всѣхъ. Оно должно одобрять благое и нравственно-цѣнное въ обѣихъ тенденціяхъ, и отвергать то, что въ нихъ есть злого, корыстнаго, бездушнаго. Частная собственность, поскольку она есть правовое оформленіе для начала личнаго трудолюбія, личной отвѣтственности, для прочности основной социальной ячейки — семьи, должна съ религіозной точки зрѣнія быть признана благомъ; поскольку же она ведетъ къ корысти, эгоизму, борьбѣ между людьми и равнодушію къ судьбѣ ближняго, она требуетъ коррективовъ не только въ индивидуальномъ - нравственномъ воспитаніи людей, но и въ мѣропріятіяхъ общественнаго порядка. «Обобществленіе», подчиненіе индивидуально-хозяйственнаго самоопредѣленія государственно-общественному контролю и регулированію есть благо, поскольку оно ограждаетъ слабыхъ отъ беззащитнаго хищничества сильныхъ и дѣйствительно укрѣпляетъ и вос-

питываетъ отношенія солидарности; оно есть зло, поскольку оно уничтожаетъ свободно-духовный источникъ солидарности и хочетъ механически, палкой вогнать людей въ коллективное единство и въ ин-

тересахъ слаженности общественнаго механизма лишить ихъ свободной инициативы служенія, превратить ихъ въ рабовъ или стадныхъ животныхъ.

С. Франкъ.

Соціальная работа въ С. Штатахъ.

III.

На улицахъ американскихъ городовъ очень рѣдко можно встрѣтить нищаго. Но при встрѣчѣ, остановившись на пять минутъ въ сторонѣ, всегда увидишь одну и ту же картину. На нѣсколько прохаживъ непременно придется одинъ, который сурово упрекнетъ просящаго и тутъ же дастъ ему адресъ благотворительнаго учрежденія. Можно быть всегда увѣреннымъ, что не просто проходящій мимо и не подающій милостыню, а именно упрекающій интересуется болѣе другихъ соціальной работой. Отрицательное отношеніе къ нищенству — результатъ спеціальной пропаганды.

Въ американской благотворительной работѣ всецѣло доминируетъ соціальныи уклонъ. Американцы помогаютъ не только движимые состраданіемъ. Ихъ мышленіе соціально. Каждый случай нищеты есть и соціальное зло, ущербъ обществу. Поэтому и въ помощи бѣднымъ они пытаются захватить возможно широкіе круги, помогать не только одиночнымъ людямъ, но цѣлой категоріи людей, не только помогать, но и предотвращать,

Обычно считается, что помощь бѣднымъ есть дѣло одного состраданія и непосредственнаго движенія сердца. Американское общественное мнѣніе рѣшительно это отрицаетъ. Самыя добрыя намѣренія, если они не взвѣшены и не проверены умомъ, могутъ только увеличить соціальное зло. Поэтому основной принципъ

американской соціальной борьбы съ бѣдностью — это устраненіе элемента классической «чистой благотворительности», т. е. непровѣренной денежной помощи. Не только въ случаѣ уличныхъ нищихъ, но и въ работѣ благотворительныхъ обществъ простая раздача денегъ считается нежелательнымъ методомъ, къ которому прибѣгаютъ лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Но въ Америкѣ существуетъ много бѣдныхъ, много случаевъ вопіющей нужды, требующихъ немедленной помощи, которые не могутъ ждать, пока бѣдность вообще будетъ устранена цѣлымъ рядомъ организаціонныхъ мѣръ. Этимъ бѣднымъ оказывается широкая помощь. Но помощь эта значительно отличается отъ классической благотворительности.

За послѣднее время въ Америкѣ все больше развивается такъ наз. Social Case Work, т. е. научно поставленная помощь въ индивидуальныхъ случаяхъ нужды. Работники—специалисты въ этой области—Social Case Workers — получаютъ образованіе въ спеціальныхъ институтахъ; по ихъ окончаніи они поступаютъ въ благотворительныя учрежденія, занимающіяся Social Case Work.

Благотворительное общество узнаетъ — благодаря ли прошенію, или стороннему сообщенію, или указанію другого общества — о случаѣ нужды. Оно посылаетъ для помощи Social Case Worker. Обычно въ далекомъ и грязномъ кварталѣ онъ находитъ семью, совершенно подавленную